



Глава 1

Прислушавшись к легким шагам Натальи Павловны в глубине квартиры, Мила вздохнула. Так вдруг захотелось оказаться в своей уютной норке, пить кофе в ночной рубашке, сонной, совершенно одной!

Здесь она тоже как бы у себя дома и вольна вылезти из спальни в любом виде, но находиться рядом со свекровью в халате и растрепанной — хуже, чем нагишом. Со вкусом чертыхнувшись себе под нос, Мила оделась. Увы, есть кое-что, что нельзя снять вместе с халатом. Десяточек-другой лишних килограммов. Рядом с подтянутой пожилой дамой она ощущала свою полноту особенно остро, читая жалостливое презрение во взгляде Натальи Павловны. Она даже знала, каким словом та о ней думает: «распустеха». Довелось как-то подслушать.

— Доброе утро, Милочка!

Маленькая «м» в имени слышалась очень отчетливо. По несчастному стечению обстоятельств ее имя совпадает со старорежимным обращением к горничным (милочка, подайте чаю), и старуха

этим пользуется. Она обожает все дворянское. До хруста, так сказать, французской булки...

Заваривая кофе, Мила вспомнила хрестоматийное Милочка-Людочка из фильма «Покровские ворота» и улыбнулась. Неправильно говорят, что имя — это судьба. Наоборот, судьба извлекает производную из твоего имени. Урожденный Иван Иванович Иванов может превратиться в решительного и компетентного руководителя Иванова, в интеллигента и хорошего специалиста Ивана Ивановича, в надежного мужика Ивана и в безобидного услужливого алкаша Иваныча. А также в разгильдяя Ваньку и в ласкового, но бесполезного Ванечку.

А она всю жизнь, целых сорок лет, Мила. С кем бы ни познакомилась, Людмила Эдуардовна исчезает моментально. И, пожалуйста, остаток: не деловая и решительная Люда, даже не романтическая Люся в бирюзе и рюшечках, а недалекая уютная Мила. Милочка, одним словом.

— Прошу вас, — улыбаясь слишком искренне, она протянула чашку Наталье Павловне.

— Спасибо, Милочка! Вы делаете изумительный кофе.

— Я тут ни при чем, Наталья Павловна. Залить кипятком может любой.

— Не скажите. — Старая дама одарила ее улыбкой, которая в шесть утра показалась Миле людоедской. — Я много раз пыталась заварить кофе по вашему рецепту, строго следуя предписаниям, а у меня не получалось даже наполовину так вкусно!

«Ну правильно, — мрачно подумала Мила. —

Почему кофе в этом смысле должен отличаться от других продуктов?»

Фирменный Милин рецепт был изобретен ею давным-давно, в одно из первых дежурств в клинике. От души насыпать молотый кофе в металлическую кружку, залить крутым кипятком и на три минуты накрыть крышкой. Все! Проще некуда, но кофе получался по-настоящему вкусным, так что Мила стала использовать этот способ приготовления и дома, даже специальную большую кружку завела.

Наслаждения, как обычно, хватило ровно на полчаски. После нескольких глотков проснувшийся мозг напомнил, что нужно успеть приготовить завтрак с обедом и переглядеть белье.

Допивая кофе уже на ходу, Мила захлопотала. А Наталья Павловна включила телевизор.

Красивая старая женщина, сохранившая к семидесяти годам и фигуру, и осанку, она всегда тщательно следила за собой. Дома ходила в юбках и блузках, прическа волосок к волоску, легкий макияж, а вечером — неременная капля «Шанель № 5». Не все женщины так собираются на службу, как Наталья Павловна — в кухню собственной квартиры. На ногах у нее всегда туфли. Шаркать любимыми шлепанцами рядом с этим образцом элегантности было невозможно, приходилось соответствовать.

«Какого черта ты каждый день поднимаешься в шесть утра? — размышляла Мила, с неприязнью поглядывая на безмятежную даму. — Тебе некуда торопиться, поспи хоть до восьми, дай людям спокойно собраться на работу! Чтобы мне не на-

до было наводить красоту два раза за утро! Я уж не говорю, что ты, пенсионерка, могла бы заниматься хозяйством, а не спихивать все на много и тяжело работающую женщину. Под предлогом «ах, Милочка, теперь вы здесь хозяйка!». Хозяйка, как бы не так! Бесплатная прислуга, это вернее».

— Боже мой, какая пошлость, — воскликнула Наталья Павловна, кивая на экран, где шла довольно откровенная реклама. — Эта нарочитая, болезненная сексуальность говорит не только о распущенности, но и об умственной деградации нации!

Мила только кивнула. В этом семействе принято мыслить глобально, с размахом. Она давно заметила грустную закономерность: чем меньше человек способен устроить собственную судьбу, тем больше его тянет рассуждать о судьбах нации.

— Человек, выставляющий напоказ свои инстинкты, просто глуп, — продолжала Наталья Павловна. — Он мало чем отличается от животного, вы согласны?

Мила кивнула, чувствуя, что краснеет. Как говорил Винни Пух, «это жжжж неспроста».

Вчера они с мужем позволили себе кое-что, и, хоть старались не шуметь, Наталья Павловна могла слышать их возню через стенку. И это продолжалось довольно долго — в чем в чем, а в холодности Милиного мужа не упрекнешь.

Она невольно улыбнулась, вспоминая вчерашнюю ночь.

Помешали, значит, старухе спать, и теперь она намекает, что пора бы сократить плотские утехы. Секс, мол, для дураков.

— Да, для этого дела не обязательно быть Эйнштейном, но, с другой стороны, не обязательно Эйнштейном и не быть, — фальшиво засмеялась Мила. — Главное, чтобы людям было хорошо вместе, интеллект тут роли не играет. А телевизор можно просто не смотреть.

— Вот как? — Наталья Павловна вздернула бровь.

— Да, так. Выключите газ под супом через час, будьте добры, а я пойду гладить.

Удостоившись кивка, Мила пошла в гостиную, где ее ждал приятный сюрприз. Женя, оказывается, все переглядила.

Настроение сразу поднялось. Девушка Женя, хоть и не родственница, была в этой семье единственным человеком, к которому Мила относилась с искренней симпатией.

Женину внешность можно было бы назвать неброской, даже невзрачной, но заурядной — никогда. Порой таких людей долго не замечаешь, но вдруг взглянешь — и навеки очарован их прелестью.

Фигурка у Жени была легкая, скромная по части традиционных атрибутов женской красоты, а нарядами девушка себе привлекательности не добавляла: одевалась с той почти эксцентричной бедностью, которую могут спокойно переносить только очень свободные или очень далекие от реальности натуры. На хорошую одежду денег никогда не было, а ходить в дешевке не позволял врожденный вкус. А может быть, скудость Натальи Павловны, кто знает?

Девушку одевали «из чемодана». Периодически

с антресолей извлекали древние фанерные кофры в железных уголках и с примотанными голубой изолентой ручками, перетряхивали слежавшиеся вещи и после небольшой переделки торжественно вручали Жене с напутствием: это настоящее французское, такого натурального шелка теперь не найдешь. Было в этом действе что-то невыносимо археологическое, и Мила, юность которой прошла примерно так же, только «из сундука», очень сочувствовала Жене.

Детство Милы пришлось на закат Советского Союза, с его кастами и дефицитом. В те времена хорошо одеваться значило не только красиво выглядеть. Импортные джинсы или кроссовки в детском коллективе служили «социальными лифтами».

Увы, Мила была лишена не только импортных, но и просто новых вещей, вплоть до выпускного класса ходила в обносках, старых, страшных, не подходящих к фигуре. Поэтому она пряталась, сутулилась, чувствуя себя в любом обществе неловко и угнетенно. Сразу после школы Мила стала зарабатывать, но скованность, недовольство собой и неумение красиво одеться остались с ней навсегда.

Мила напоминала себе диккенсовского мистера Уилфера¹, который, будучи обременен большой семьей, покупал себе детали костюма по очереди, начиная с туфель. А когда дело доходило до шляпы, туфли уже полностью разваливались.

¹ Герой романа Диккенса «Наш общий друг», любящий многодетный отец и подкаблучник. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Приходя в магазин, Мила понимала, что может себе позволить гораздо меньше, чем ей нужно, и ничего из того, что действительно ей нравится. Вдобавок совесть немедленно начинала петь, что она обделяет семью, а зеркала примерочных отражали совсем не то, что ей хотелось бы видеть.

Но Женю она с удовольствием бы принарядила.

Однако та всегда деликатно отвергала Милины предложения пройтись по магазинам.

Девушка, казалось, вовсе не тяготилась нищетою своих туалетов. Спокойно разгуливала в по-рыжелых юбках и свитерах с поднятыми петлями.

Женя училась в педагогическом университете на словесника, и литература была для нее не только увлечением, но и страстью. Милин муж шутил: всех детей находят в капусте, а тебя — между страниц «Войны и мира».

Действительно, Женина душа жила там, под переплетами классических романов.

Уникальная девочка, думала Мила. словно гостья из выдуманного книжного мира. И судьба у нее уникальная: где в двадцать первом веке встретишь девушку, которую называют «воспитанница»?

* * *

Приняв смену у дежурных сестер, Мила собралась на традиционный кофейный тет-а-тет с профессором, но позвонили из операционной. Не ладится аппендицит.

Чертыхнувшись, она поспешила на выручку, по дороге прикидывая, что могли отколоть, вернее отрезать, ее любимые клинические ординаторы.

Но физиономия анестезиолога лучилась такой умиленной радостью, что сразу стало ясно — никакой беды не произошло.

— Ты что такой счастливый? — буркнула она вместо приветствия.

Мила не сердилась, просто соблюдала правило хорошего тона: если тебя вызвали в операционную, первые две минуты будь хмурым и злым.

— Представляешь, кто у нас пациентка? Настоящая стриптизерша!

— Вообще-то на работе сейчас не она, а ты! — жестко сказала Мила. — Нечего заглядываться!

— Стриптизерша-то стриптизерша, а отрокот показывать не хочет! — прокряхтел ординатор.

— Правильно, — Мила, наконец, улыбнулась, — интрига должна быть.

Она заглянула в рану. Разрез слишком маленький, нужно сказать ординатору, чтоб расширился, и аппендикс сам прыгнет ему в руки. Но для этой молодой девчонки грубый рубец на животе, наверное, профнепригодность...

— Я моюсь. Халат найдется?

Мила подвинула ординатора. Извлечь отрокот из этой крошечной ранки все равно что незаметно достать кошелек из внутреннего кармана чужого пиджака. Требуется мастерства и нервного напряжения. А девушка даже и не узнает, кто удалил ей аппендикс через двухсантиметровый разрез и сделал косметический шов в придачу.

— Просто я работаю волшебником, — промурлыкала Мила, выслушивая комплименты своему безупречному шву.

Эти восторги всегда немного раздражали ее. Восклицания вроде «Уж швы-то у Милы — загляденье!» казались ей не признанием, а отрицанием ее заслуг. Сразу как-то слышалась вторая часть фразы — «хотя звезд с неба не хватает».

Будто швы — это единственное, что она делает хорошо!

— Вот ты где!

Пользуясь тем, что лицо еще закрывает маска, Мила соорудила рожицу и картинным жестом бросила перчатки в таз.

— Я в вашем распоряжении, Руслан Романович.

— Мила, ну нельзя же так пропадать! — горячился профессор Волчеткин. — Я, как говорится, утром должен быть уверен, что с вами днем увижу я! Волноваться уже стал, не случилось ли чего.

Мила улыбнулась. Заведующий кафедрой общей хирургии выделял ее среди других докторов. Она была его верной помощницей, бессменной ассистенткой на операциях, соавтором научных статей. Что-то среднее между Санчо Пансой, доктором Ватсоном и Ариной Родионовной. Преданная посредственность при гении — ничего хорошего нет в этом статусе, но многие завидовали ее близости к начальству. Особенно тому, что профессор с ней *делится*. О таких вещах почему-то всем и всегда досконально известно.

Из-за этого отношение к ней в коллективе было двойственное: профессор и клинические ординаторы, которых она как насадка опекала, ее обожали, а доценты, наоборот, терпеть не могли.

Мила была старше Руслана Романовича, и вообще не красавица, поэтому грязных сплетен про них не распространяли, но зато говорили другое, еще обиднее. Мол, Мила профессору чай подает наподобие секретарши и даже прибирается у него дома по выходным. Лебезит перед заведующим как может. Однако все ее услуги не искупают ее тупости, и непонятно, почему Волчеткин до сих пор возится с ней. Уж не потому ли, что когда-то в незапамятные времена она поставила его на крыло? Научила... да господи, чему она научить-то его могла? Швы красивые накладывать если только! Гиппократ в своей клятве предписывал врачу почитать своего учителя, но не настолько же...

«Насолько! — хотелось воскликнуть Миле. — Вы завидуете моим привилегиям, которые я заработала, нянчась с Русланом на заре его карьеры. А вам кто мешал ограничить этот бриллиант? Когда Волчеткин поступил на кафедру, вы все здесь уже работали. И я, в то время аспирантка, совсем не навязывалась ему в учителя. А вы, ребята, всегда оберегали от молодых свои знания, как скупые рыцари. Правильно, ведь все ваши знания и умения можно перенять за три месяца, и тогда вы уже не сможете чувствовать себя корифеями среди грамотной дельной молодежи».

— Ну, Мила, как я выгляжу? Готов к обходу?

Мила с удовольствием посмотрела на крутящегося перед зеркалом профессора. Внешность Руслана совершенно не соответствовала этому высокому научному званию. Даже ранняя проседь в густых черных волосах не спасала. Был он высоким

сухощавым парнем, широкоплечим, длинношеим и длинноногим. Лицо узкое, глаза большие, слегка раскосые, с высокими треугольными бровями. Внушительный римский нос и длинная верхняя губа, общепринятые признаки аристократизма, почему-то придавали Руслану, наоборот, плутовской вид.

Подмигнув своему отражению, Волчеткин обличился в белоснежный двубортный халат и стал пристраивать на голове медицинскую шапочку.

— Сверкая белым колпачком, к тебе я двигаю бочком, — пропел он и действительно легонько боднул Милу бедром. — Так как я тебе?

— Божественно красив и чертовски привлекателен.

— Это понятно. А печать гениальности на челе?

— Присутствует. И сияние чистого разума включено.

— Тогда погнали.

Мила не стала наводить красоту. Кто станет разглядывать тетеху-доцента, плетущуюся на полшага позади профессора? Все взоры обращены к нему.

Волчеткин сейчас разберется с тяжелыми и непонятными болезнями, он великолепный диагност. Выведет на чистую воду любую болезнь, чем бы она ни прикидывалась. А главное, возьмет на себя ответственность. Лечащий врач запишет в истории «обход профессора Р.Р. Волчеткина» и уйдет домой со спокойной душой. Доложил светилу, получил указания, выполнил. Если что не так, все вопросы к Волчеткину Р.Р. Особенно это актуально сейчас, когда считается, что любая